

ДИАСПОРЫ

НЕЗАВИСИМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал выходит четыре раза в год
Год издания восьмой

МОСКВА

ЕВРЕИ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ ГЛАЗАМИ ИХ СОСЕДЕЙ (по материалам устной истории)

Ирина Еленская, Евгений Розенблат

Западная Белоруссия после заключения в 1921 г. Рижского мира вошла в состав польского государства. До начала Второй мировой войны этот регион представлял собой аграрный край, где более 90% населения составляли крестьяне-белорусы. Но для местечек и городов была характерна полиэтническая структура — там проживали евреи, поляки, русские, причем белорусы — как меньшинство. Процессы модернизации в крае шли медленно; общество сохраняло черты традиционализма и архаичности, а межэтнические взаимоотношения характеризовались преемственностью и относительной устойчивостью, поскольку были обусловлены унаследованной от прошлых поколений системой взаимодействия этнических групп, в которой каждый этнический элемент занимал свою нишу и выполнял определенные функции.

Евреи придавали неповторимый колорит городам, местечкам и деревням Западной Белоруссии. Даже спустя десятилетия после исчезновения компактно размещенных по территории Белоруссии еврейских общин память о прошлом и той роли, которую играли в нем евреи, продолжает оказывать влияние на современную жизнь. По меткому замечанию российского этнолога О. В. Беловой, «в опустевшем культурном пространстве возникает “новая мифология” об ушедшем народе, о тех, кого нет...»¹.

Материалы устной истории, привлеченные к данному исследованию, помогают услышать голос прошлого. Воспоминания представителей старшего поколения жителей Белоруссии транслируют не столько объективные представления

¹ Еленская Ирина Эдуардовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Белоруссии Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина (Белоруссия); Розенблат Евгений Семенович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории того же университета.

о евреях, которые в восприятии окружающего населения являлись носителями чужой культуры и религии, сколько субъективные и безусловно мифологизированные суждения, основанные на наиболее распространенных этнических стереотипах. При этом высказывания респондентов укладываются в весьма широкий диапазон мнений и оценок. Совершенно явственно проявляются противоположные полюса идеализации и «демонизации» евреев.

Прежде чем перейти к показу kaleidoscope взглядов и представлений о евреях западных областей Белоруссии, следует отметить те особенности источника, которые необходимо принимать во внимание, чтобы сделать правильные выводы.

1) Поскольку запись воспоминаний проводилась спустя нескольких десятилетий после произошедших событий, информация в них не передается в полном объеме. Мы получаем возможность ознакомиться только с наиболее устойчивыми, неистинными в течении длительного времени впечатлениями. Следует понимать, что острота восприятия в значительной степени понижена. За столь длительный срок оценочные суждения респондентов подверглись корректировке (воздействие оказывает государственная идеология, СМИ, события современной общественной жизни и личные обстоятельства).

2) Большинство жителей западных областей Белоруссии, чьи воспоминания использованы в работе — 1925–1930 гг. рождения, т. е. респонденты воспроизводят детские, подростковые и юношеские впечатления.

3) Существует проблема степени откровенности респондентов. Осторожность в выражении собственного мнения, авторцензура, зачастую заставляющая респондента соотносить свой взгляд с официальной точкой зрения (как ее представляют для себя пожилые люди); замкнутость и сдержанность, свойственные ментальности белорусов — все это затрудняет получение ответов на вопросы, касающиеся отношений между этническими группами. Поэтому иногда приходится использовать косвенную информацию, содержащуюся в воспоминаниях; учитывать интонацию и мимику собеседников.

4) Многие авторы воспоминаний, высказывая суждения, основываются не столько на собственном опыте и личном общении с евреями, а, скорее, опираются на знания об этих этнических группах, полученные опосредованно; говорят не столько от своего имени, сколько от имени «всех», т. е. пере-

дают «общеизвестное», ссылаясь на услышанное от родителей или других старших.

5) В большинстве случаев респонденты рисуют идиллическую картину межэтнических взаимоотношений, не сообщают о фактах вражды, агрессии; очень редко резко отрицательные характеристики этнических групп.

«Большие паны-богатеи»

Одним из наиболее обсуждаемых вопросов, который возникает в воспоминаниях жителей Западной Белоруссии, является благосостояние евреев. Любопытно, что у белорусов, которые в подавляющем большинстве принадлежали к крестьянской среде, понятие «богатство» ассоциировалось прежде всего со значительной земельной собственностью, наличием большого количества скота и принадлежностью к властным структурам. Вследствие этой, чисто крестьянской ментальности, в качестве примеров богатых людей респонденты называют местных «панов» — владельцев имений, как правило — поляков по национальности. В случае с евреями мерилем богатства в глазах сельских жителей выступала не земля, а бытовое благосостояние, которое ассоциировалось с городским образом жизни. Евреи, проживавшие в местечках или появлявшиеся в силу своих занятий в сельской местности, воспринимались как носители городской культуры. В воспоминаниях определены такие критерии еврейского материального благополучия, как дома (квартиры), меблировка, одежда, повседневная пища, драгоценности, деньги; возможности ездить за границу, заниматься бизнесом и использовать наемный труд.

«В нашей деревне евреев не было, жили они в м. Дворцы, были зажиточные, имели частные предприятия и владели промыслами. Ничем они от других национальностей не отличались, разве что были богаче и грамотнее»².

«Естественно, евреи были богаче белорусов, поляков, даже некоторых помещиков. У них было много золота, так тогда все считали, но откуда оно у них, никто не знал и не пытался узнать. Любой еврей-ремесленник был богаче, чем самый зажиточный белорусский крестьянин»³.

«Евреи были богаче, чем поляки. Узнакомой еврейки Симы были золотые зубы и золотые часы»⁴.

«Жи́ды жили как-то более культурно, чем мы, меньше работали, нанимали людей»⁵.

«Евреев в местечке было много. Жили они по сравнению с белорусами лучше, можно было назвать их даже богатыми. Дома у них были больше и лучше. Занимались торговлей, ездили по разным городам и привозили оттуда товары, в основном из Вильни, продавали в своих лавках. Белорусы евреям немного завидовали, так как те жили лучше, но вражды не было»⁶.

«Наши (орляньские христиане) не имели такой еды, которую имели жи́ды»⁷.

«Евреи жили богато. Они могли себе позволить частое употребление мяса, селедки... Они красиво одевались. В домах у них тоже была обстановка лучше. На полу у них были застланы ковры»⁸.

«Одевались евреи как городские, культурно»⁹.

«Одевались они богато. У них были и пальто, и шубы»¹⁰.

«Еврейская молодежь одевалась очень модно, так как у них были родственники в Америке, которые присылали шикарную одежду. Мы специально ходили после обеда на рынок, чтобы поглядеть, во что одеваются еврейские модницы. Были это красивые женщины»¹¹.

«Если у евреев и возникали трения с местными жителями, то это происходило прежде всего из-за их зажиточности. Евреи были богаче других, так как занимались в основном ремеслом и торговлей»¹².

В восприимчивой памяти детей и подростков отпечатывались детали, которые создавали вокруг образа еврея ореол неслыханного богатства:

«Казалось нам, что торговец Ошер — очень богатый человек, что [...] кошелек Ошера был набит деньгами, будто те его мешки зерном [...]. Пан Арон приезжал в деревню не с Орли, а с Белостока, и не конем, а на красивой черной автомашине. Пан Арон — так его все называли — был представителем фирмы "Зингер" и собирал по деревням заказы на швейные машины этой марки [...]. Мы, пострелы, впервые в своей жизни увидели легковую машину и были в полном восторге. И хотя автомашина была сильно запыленная, нам хотелось хоть пальцем дотронуться до этого чуда на колесах. К сожалению, шофер отгонял нас от машины, будто боялся, чтобы мы ее не испортили. А мы б охотно почистили эту легковушку до глянца, если б нам только разрешили. Однако и пан

Арон, и его шофер неприязненно к нам относились — известно, были они большие паны-богатеи»¹³.

Высказывается убеждение в том, что евреи умело скрывали свое подлинное благосостояние, старались не выделяться, не афишировать своего достатка («Почти все евреи были богаты, но показывали себя не так богато»¹⁴). Слухи о еврейском золоте и несметных богатствах основывались на рассказах старожилов о том, как евреи откупались от погромщиков в годы гражданской войны и выплачивали контрибуции нацистам. События, связанные с темой Холокоста, укрепили представления жителей западных областей Белоруссии о неисчерпаемых богатствах евреев; до сегодняшнего дня повсеместно бытуют похожие на сказки истории о еврейских кладах и сокровищах, найденных после войны.

«Уже когда немцы пришли, один еврей сбежал, не взяв из своего имущества почти ничего. Люди залезли в его дом и говорили, что много такого там было, чего они раньше не видели: большие часы, картины, вазы, сувениры, ковры. Золота и денег только в доме не было. А то, что было — растащили»¹⁵.

«Отец работал сторожем около железной дороги где-то около крепости и видел состав с евреями, которых куда-то везли: вся земля вокруг поезда была усеяна рваными деньгами — польскими, советскими, американскими»¹⁶.

«В соседней деревне Олтуш жила еврейская семья, которая держала магазин. Мне не удалось узнать, что с ними произошло во время войны — погибли или удалось бежать, но после войны, когда распахали их усадьбу, нашли много золота»¹⁷.

«На территории современной конторы промкомбината во время войны был дом одной еврейской семьи. После войны туда приехал бывший хозяин дома. В конторе в это время сидела бухгалтер. Этот еврей попросил её встать, так как под её столом находились чемоданы. Этот еврей забрал свои вещи и уехал. Что было в чемоданах, я не знаю, но все предполагают, что там было золото и драгоценности»¹⁸.

Значительная часть респондентов отзывается о материальном положении еврейского населения гораздо более сдержанно. Белорусы, повседневно наблюдая жизнь еврейских соседей, замечали разницу в достатке еврейских семей и вспоминали о еврейской бедноте:

«Евреи были богатые, но не все»¹⁹.

«Евреи были более богатые, но некоторые были и бедные. Более зажиточные евреи нанимали служанок»²⁰.

«Да, были, конечно, евреи богатыми по сравнению с остальными. Но были и бедные евреи, даже нищие»²¹.

«Много было и очень бедных жидов, что с котомками ходили по хатам, радуясь корке хлеба»²².

«Евреи много не ели, не чревоугодничали, на завтрак съест яичко и всё — идёт работать...»²³.

«Что касается жидов, то люди разные байки про их рассказывают, говорят, что они все богатеями были. Но я не слушаю те байки, так как сам знаю, как было по правде. Правда, были богатые жида: и купцы, и адвокаты, и доктора, и музыканты, но полно было и бедноты жидовской. Я сам не раз давал пару грошей жидовским нищим. Для меня жид — такой же человек, как и я. Он мне брат»²⁴.

«Купить подешевле, продать подороже...»

Множество воспоминаний жителей западных областей Белоруссии связаны с коммерческой деятельностью евреев. Последние выступали в роли связующего звена между городом и селом, вели торговлю, участвуя в сделках «купли-продажи». Широкое хождение имеют рассказы о еврейской предприимчивости, изворотливости, способностях обманывать и таким образом наживаться за счет христиан. Сам род занятий евреев — их активное участие в торговле — определял отношение со стороны принимающего общества. Преобладала реакция настороженности, подозрительности и уверенности в том, что богатство евреев не может являться следствием честного труда. Крестьянская ментальность определяла труд как тяжелую физическую работу на земле; этим отчасти объясняется позиция многих респондентов, которые отказываются считать евреев людьми, честно зарабатывающими на кусок хлеба. Традиционные занятия евреев ремеслом и торговлей трактовались как средство сознательно избежать участия в единственно праведном способе получения средств к существованию — земледелии.

«Все считали, что евреи хитрые, много хотели, а работать не хотели»²⁵.

«В нашей деревне жили евреи. Они содержали лавки и торговали. Земли не имели. На полевые работы не ходили, жили легким трудом. Общались только с поляками и богатыми белорусами»²⁶.

«Жили они довольно легко по сравнению с остальными»²⁷.

«Евреев у нас не было. Только один приезжий из Пружан держал в деревне лавку. Да ещё некоторые приезжали и скупали у нас шкуры, мёд, верёвки, а продавали нам нужные в хозяйстве товары. Евреев мы не любили, потому что они постоянно обманывали, хотели купить подешевле, а продать подороже»²⁸.

«А евреев в деревне не было. Они все были в Орли. Обманички они были, только думали, как обмануть при продаже. Однако такая штука — торговля, что надо обманывать»²⁹.

«Тогда в торговле часто обманывали — и жида, и наши [...]. Отец мой однажды повез в Бельск свинью продавать. А жида не хотели покупать по нормальной цене, только половину давали. Ну, отец и повез ее назад домой. Привез. А жид сразу за ним приехал и говорит: “Отдашь за полцены?” Так отец все же продал эту свинью за гроши. А вообще отношения к ним были нормальные, если не они, то кто же у нас что-нибудь купит?»³⁰.

«Евреи были хитрыми, у нас всегда говорили, что евреев не проведешь»³¹.

«Евреи были умные и хитрые. Они старались нас, простых, обмануть в свою пользу. Они, конечно, мастера, но с умом и для себя»³².

«В местечке в то время жило много евреев. Они в основном занимались ремеслом и торговлей. А торговать они умели хорошо — особенно душить голову...»³³.

«А евреи как евреи. В польской армии за все время службы еврей никогда не работал физически. Всегда как-то ухищрялся уйти от работы»³⁴.

«Евреи были умные и хитрые. Они говорили о белорусах: “Чтобы мужику тот ум вперёд, а не после, то перехитрил бы и нас”»³⁵.

«Жида — это народ умный и хитрый. Жида не очень обманешь, но он тебя, если захочет, то обманет»³⁶.

«К врачам-евреям относились с недоверием. Они считались обманичками»³⁷.

«Многие мужики задолжали за питание и еду в шинках еврейских. А евреи долгов не прощали — вплоть до того, что забирали за долг мужа в шинке корову»³⁸.

Еврей из Иванова на р. Припять (Das 41. Reserve-Korps von der Somme zum Pripjat. Mit 438 Bildern. München, 1918. S. 138).

Убежденность в хитрости евреев порождало желание их перехитрить, доказав тем самым свое превосходство, самоутвердившись в своих способностях быть умнее. С большим удовольствием некоторые респонденты вспоминают о случаях, когда удавалось обмануть евреев.

«В гминной Орли много евреев было, богато. Все торговцы, которые хотят что-нибудь продать или купить, ходят, продают конфеты, мелочь всякую, другими словами, обманывают. Но мы их тоже обманывали. Я одному бедному жида, что брил по дорожке, продал вместо телячьей кожи собачью. Жид через некоторое время огляделся и вернулся, но тут за меня заступился отец, который сказал, мол, глядеть надо было»³⁹.

«Как у нас бывают разные люди, так и у жидов тоже. Один человек, а другой свинья. Я тебе скажу, что если жид дал слово, то слово это он сдержал, а наш человек наговорит тебе абы-чего

сегодня, а завтра забудет. Сколько это раз жиды давали нашим мужикам товар по доверию, и сколько раз наши мужики жидам денег не поотдавали. Значит, тут жулик не жид, а наш мужик жулик»⁴⁰.

Значительная часть респондентов отмечает такие качества евреев, как трудолюбие, честность и бескорыстие. Нельзя не отметить, что если сообщения о еврейской хитрости носят абстрактный характер, то рассказы о еврейском трудолюбии, умениях выполнять различные работы по хозяйству и желании прийти на помощь соседям, как правило, проиллюстрированы конкретными примерами:

«“Жи́ды” (по другому в деревне их не называли), но это вовсе не было уничиительно, это просто была принадлежность к другой народности — были очень трудолюбивые [...]. В д. Стрии жили 2 семьи еврейские. Одна — отец Гершко, мать Цирля (очень красивая женщина) и трое детей — Тэма, Дэнька и Гривка. Они вместе со мной ходили в школу, были такие же, как мы. Гершко занимался ремонтом обуви, хозяйства в семье не было. Мать шила одежду»⁴¹.

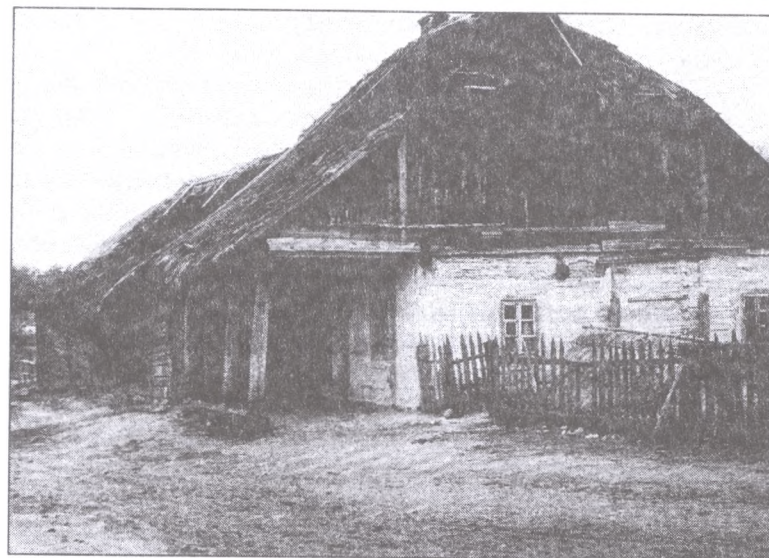
«Евреи очень дружные между собой, умные, мастера на все руки, добрые. На нас никогда не говорили “хам”. Трудолюбивые люди. Если бедный еврей, то никогда не сядет кушать за чужой счёт, пока не заработает»⁴².

«Еврей никогда не сядет кушать (обедать), пока не продаст определенное количество товара, а русский пьет месяц, ничего не сделав»⁴³.

«На нашей улице, немного дальше от нас, напротив свояка, жил хлопец, который женился на жидовке. Она перешла в православие и по хозяйству делала все то, что и белорусские женщины, ничем не отличаясь»⁴⁴.

«Когда наша семья переехала из России, мы ничего не имели. Один пожилой еврей дал нам телочку на время, пока она не родила теленка, которого еврей подарил нашей семье»⁴⁵.

«Расскажу такую историю. У нас в семье погибла лошадь. Хозяйство без коня — это не хозяйство. Мой отец начал думать, где взять деньги на лошадь. Поляки знакомые не дадут, надо тогда идти к еврею. Знакомого еврея звали Михуль. Но он был не богат, поэтому не смог помочь отцу, но сказал, чтобы тот не огорчился, потому что заведет его к богатому еврею. Когда зашли к богатому, то он начал приносить соболезнования по пово-

Корчма в окрестностях м. Ружаны Косовского повета.
Фотография Ю. Шиманчика, 1934 г.

ду потери лошади и все говорил: “Да, это беда!”. Затем он спросил, сколько надо денег. Отец ответил: “200 злотых”. Еврей сразу дал эти деньги. Отец спросил, как расплатиться: по векселю (с процентами) или как? Он ответил: “Будешь рассчитываться с Михулем”. Когда вышли из дома богатого еврея, отец спросил Михуля: “Как мне с тобой рассчитаться?” Он ответил: “Не надо ничего. Когда-нибудь дашь пару килограмм картошки — и все”. Вот такие были евреи. Они были очень хорошими специалистами. Очень хорошими»⁴⁶.

«В нашей деревне жил старый еврей. Мы, местная ребятня, никак не могли произнести правильно его имя (а сейчас я его и совсем позабыл), поэтому называли его просто “дед”. Работать из-за старости он был уже не в состоянии, но прекрасно умел делать разные игрушки из глины, коры деревьев, разных ненужных вещей. За это его все очень любили. В его дворе всегда толпились дети»⁴⁷.

Многие респонденты отмечают дешевизну товаров в еврейских магазинах и лавках, вспоминают различные приемы, которые применяли евреи-торговцы, чтобы привлечь покупателей: возможность обменивать товары на сельскохозяйствен-

ные продукты, систему скидок, обходительность торговцев, их желание угодить клиенту.

«Торговлю всю у нас только евреи держали. У нас говорили — если не будет евреев, то не будет и торговли»⁴⁸.

«Когда-то говорили: “Если не будет еврея, то не будет кому продать курицу, яйца”, так как это все жид забирал, курица и яйцо для них — кошер»⁴⁹.

«К нам в деревню приезжали евреи (гандляры), покупали яйца, кур, а мы у них за это покупали иглы, пряности»⁵⁰.

«В Теглевичах была лавка... Жид торговал семечками, конфетами, селедкой, жидовка булочки выпекала, там продавала по 5 грошей. Жидовка приносила бублики, меняла яйцо за бублик»⁵¹.

«Часто евреи ездили по деревням и продавали селедку, детские свистелки, могли давать кредиты или одолжить деньги. Сами они покупали старые вещи и тряпки, иногда телят»⁵².

«В основном товары приобретались у евреев. Постоянно покупали соль, спички, селедку, сахар, конфеты, одежду для молодых»⁵³.

«Пойдешь — надо тебе, а денег нет, взял просо, или взял овса, или ячмень и пошел к еврею и за это купил, потому что денег не было»⁵⁴.

«Во многих еврейских магазинах по субботам (только там, где продавцами работали местные или другие неевреи) цены были ниже, а рюмку водки можно было выпить даже бесплатно»⁵⁵.

«В город за покупками мы выбирались в то время редко, так как все стоило денег немалых. Товары первой необходимости (соль, керосин) покупали в лавке у местного еврея (в деревне он с семьей был один). Зайти к нему в лавку и уйти с пустыми руками было просто невозможно. Если тебе нравился велосипед, но не нравился на нем руль или седло, оно тут же менялось на новое»⁵⁶.

«Когда проходишь возле еврейских лавочек, каждый старался перехватить покупателя, завлечь к себе в лавку, заинтересовать»⁵⁷.

«При слове “еврей” мне вспоминаются лавки с многочисленными товарами. Помню, как с мамой ходили выбирать ситец на рубашку. Продавец-еврей был очень услужлив. Он вежливо предлагал, показывал весь ассортимент товара, разложил перед нами столько ткани разной расцветки, что глаза разбежались. Хотя мы собирались покупать не так уж и много, и он об этом знал. Мне кажется, что это их прирожденное занятие, и никто другой не смог бы лучше выполнить их работу. Да, они были богаче других, но они работали на это богатство»⁵⁸.

«Потом отдашь...»

В сельской местности существовала острая проблема нехватки наличных денег. Для белорусского крестьянина возможность занять деньги у знакомого еврея было огромным удобством. На самых приемлемых условиях и без всякого юридического оформления евреи одалживали различные суммы денег, отпускали в кредит товары, о чем респонденты до сих пор вспоминают с благодарностью.

«Жидов в деревне не было. Приезжали только с товарами. Их лавки были в Орли, в Клещелях. Бывало, зайдешь в магазин, а денег нет, так жид всегда в долг давал товар. Говорил: “Я ж не спрашиваю тебя, есть ли у тебя деньги!”»⁵⁹.

«Принесет жидовка с Семятичей “товар” и впикивает. “Денег нет”, — отказывались. — “Так другой раз приду и отдашь”, — настаивала торговка. Жиды тряпки, шерсть, лён покупали. И обрезки шкур жид от отца забирал. Отец его отгонял, но он кило селедки оставит и заберёт»⁶⁰.

«Товары покупали у евреев иногда в кредит. Они записывали себе в тетрадку, кто что берет и на какое время»⁶¹.

«В нашей деревне был один магазин. Держал его еврей по фамилии Рубинчик. Ему помогали жена и сын. Продавали в том магазине товары повседневного спроса: сахар, соль, спички, материал, обувь, одежду, лампы керосиновые. Продавали за деньги, иногда давали в долг, тогда записывали в специальную книгу. Если долг вовремя не отдавался, то хозяин магазина начислял проценты, но не очень большие»⁶².

«Евреи такие были хорошие люди, перед Пасхой, если нет денег, то они давали в долг: “Потом отдашь”»⁶³.

«Евреи были хорошими людьми. Помогали в беде. У них всегда можно было одолжить деньги. Когда я 10 января 1936 года выходила замуж, то у нас дома ничего не было загодя подготовленного, поскольку были у меня старшие сестры, и мама не надеялась, что я так быстро выйду из дому. Пошла тогда мама к еврейке Добе, которая держала магазин с тканями при рыночке от Норвавской улицы (сегодня тут парк при Клещевской улице) и достала в кредит покрывала, полотно, полотенца, простыни и другое. Осенью мама продала гусей и вернула долг. А на улице Млыновой жила вдова Анна, еврейка. Когда мне зимой нужны были валенки и галоши, а как раз не было денег, тогда она дала

мне их и чулки в кредит, а поздней муж заработал денег и заплатил»⁶⁴.

«А еще помню, что у евреев всегда можно было одолжить денег. Хотя они потом взимали проценты, но одалживали любую сумму. И с теми людьми, кто вовремя возвращал деньги, они были лучшими друзьями, поддерживали хорошие отношения»⁶⁵.

«Были мастерами, делали то, что мужики не умели...»

Особое уважение у респондентов вызывают евреи-ремесленники. Обращение к услугам евреев-кузнецов, сапожников, портных считалось нормой сельской жизни. Многие респонденты подчеркивают профессионализм и высокое качество предлагаемых евреями услуг, а также возможность обучаться у них ремесленной специальности.

«В Орли жило много жидов [...]. Были мастерами, делали то, что мужики не умели»⁶⁶.

«Мой отец учился у еврея на кравца (портного). В соседней деревне был еврей-сапожник, у кого были деньги — заказывали у него обувь добротную, носилась долго. А еще евреи шили крепкие, качественные хомуты для коня, а возы наши мужики у них учились делать»⁶⁷.

«Отец [...] был сапожником. Сначала учился он у жида, а потом работал самостоятельно»⁶⁸.

«У нас были знакомые среди евреев. Жили мы с ними мирно, дружили. Помогали им копать картофель, ходили к ним шить одежду, потому что у них были швейные машины»⁶⁹.

«Ремесленниками были чаще всего жида, которые составляли большинство жителей Орли. Были две портнихи: замужняя Нэха и девка Блюма. Мама покупала материал у жида в магазине и вела меня к портнихе на примерку. Пошили мне одно пальто с карманчиком на груди и платье»⁷⁰.

«С жидками жили хорошо. Они часто ездили по деревне, были хорошими кузнецами, печниками. Могли за день сложить хорошую печь»⁷¹.

«В деревне евреи жили в основном за счёт трудолюбия. Всей деревне было очень хорошо, было даже модно пользоваться услугами евреев. Еврея Шмулко всегда заваливали негодной обувью, которую он ремонтировал. У еврея Абрамко (кузнец) были деревенские хлопцы в учениках»⁷².

«Возы на деревянных осях жида делали, а наши у них покупали. Всё жида делали, только как немец их побил, то и наши научились ремеслу»⁷³.

«В нашей деревне один из евреев шил сапоги, делал конскую подпругу. Он это делал хорошо, как никто другой. А ещё один еврей был ковалем (кузнецом), он подковывал лошадей, делал гвозди. Когда мне было уже 12 лет, произошел такой случай. Мой отец подковал лошадь у другого кузнеца (нееврея). Через некоторое время лошадь начала хромать, и отец повел её к еврею-кузнецу, чтобы тот снял подкову и сделал новую. Он снял подкову, сказал, что нужно делать. Через неделю нога коня зажила, и отец подковал его у этого еврея-кузнеца»⁷⁴.

«Работу было найти тяжело»

Ещё одна важная деталь, характеризующая взаимоотношения евреев и соседей, — возможность заработать у евреев, поправить свое материальное положение. В бедной белорусской деревне имел значение буквально каждый заработанный злотый, о чем свидетельствует тот факт, что в воспоминаниях жителей западных областей Белоруссии, переживших много денежных реформ и изменений цен на товары, с документальной точностью указывается стоимость различных товаров и регламентация оплаты различных видов работ.

«Евреев на то время в нашей деревне жило немного: четыре хаты. Две семьи занимались торговлей (у нас было два магазина), а другие две — кузнецы. По субботам евреи ничего не делали — были очень набожны. В эти дни им ходили доить коров, топить печь за деньги. Евреи нанимали людей съездить в город за товаром, платили за это деньги»⁷⁵.

«Были купцы из Лодзи, они закупали дубы, были дубы большие, хорошие дубы, если наймут эти евреи людей, у которых кони хорошие, то они везли те дубы на Горынь, евреи платили деньги, так зарабатывали»⁷⁶.

«Местные жили с евреями дружно. Собирали грибы (сморчки), сушили, а потом сдавали евреям за деньги»⁷⁷.

«Мой отец занимался пчёлами, а мед всегда возил в Кобрин к еврею Кацу и очень дружил с его семьёй»⁷⁸.

«Ездили в город Пинск на заработки, к жидкам в основном: дрова рубили, по хозяйству работали — деньги получали»⁷⁹.

«Мать ходила на заработок к еврею Авелю. За размол в жерновах одного пуда жита получала фунт хлеба»⁸⁰.

«Работу было найти тяжело. Мой отец в Черемху для жида носил по две корзины мяса за пятьдесят грошей»⁸¹.

«Сестра, что уже девкою была, чтобы купить платье, ходила работать в Кальное в имение, или в Дуброву к жидам. Когда-то в Дуброве никаких польских людей не было, только одни жида. У жида целый день огурцы рвали и за это платили им 50 грошей; за такие деньги можно было купить плохонькую косыночку на голову»⁸².

«Некоторые орляньские мужчины работали в жидовской кафельной мастерской Вайнштайнов. Нанимались также на другие работы к жидам, а женщины у жида служили. Некоторые зарабатывали тем, что топили в шабаш печи — по 10 грошей за одну печь»⁸³.

«Детьми мы пасли их коровы, по субботам топили печи, за что получали булочки и конфеты»⁸⁴.

**«Жид, как и любой человек, если хороший,
то хороший, если плохой, то плохой»⁸⁵**

Материалы устной истории позволяют реконструировать образ еврея в восприятии жителей западных областей Белоруссии накануне Второй мировой войны. Этот образ неоднозначен, поскольку и отношение к евреям со стороны принимающего общества было двойственным. Если суммировать все исходные данные, профильтровав сообщения респондентов, можно нарисовать два собирательных еврейских портрета:

1. **«Плохой» еврей.** В этом образе преобладают отрицательные характеристики. Это хитрый, расчётливый, скрытно действующий человек, манипулирующий другими, менее предприимчивыми, «простыми» людьми. «Плохой» еврей представляет определенную опасность для окружающих: он может обмануть, воспользовавшись неграмотностью «простых» людей. Он живет по своим законам в чужом мире, познать который невозможно и проникать в который опасно. У «плохих» евреев все не так, как в своем, привычном мире; еврейский мир — это закрытый мир, враждебный белорусу, что чувствуется им на интуитивном уровне (конкретных доказательств вреда, причиняемого евреями, нет, но от этого убежденность в способностях евреев вредить другим людям не становится меньшей).

Оппозиция «свой-чужой» в отношении еврейского населения в рассказах респондентов обозначена достаточно четко. Понятие «чужой» определялось на основании особенностей внешности, культуры, религии, жизненного уклада.

«У евреев были черные глаза, черные крученые волосы, нос с горбинкой и белый цвет лица»⁸⁶.

«В нашей деревне евреев не было. Евреи отличались от белорусов и поляков тем, что носили другую одежду (черные длинные балахоны); во внешности: носили усы, бакенбарды, бороду, на голове носили шляпу. Питание евреев отличалось тем, что они не ели свинины и соблюдали субботу»⁸⁷.

«У евреев ермолки — такие шляпки — были. Говорили, что они и ели в шляпках»⁸⁸.

«Еврейские женщины одевали штаны мужские, для нас это было позором, мы носили юбки. Евреи обычно были похожи: кучерявые черные волосы, большой нос, карие глаза. Между собой общались на своем языке»⁸⁹.

Дистанция между еврейским и нееврейским населением, особенно в сельской местности, выдерживалась строго и неукоснительно. Браки с евреями были чрезвычайно редки, а объяснения причин такой ситуации весьма показательны. С одной стороны, жители западных областей Белоруссии склонны считать, что связать судьбу с представителем еврейского народа — значит опозорить свою семью, а с другой — подчеркивается нежелание евреев идти за заключение браков с белорусами, опасность подобных попыток.

«Они мало дружили с нами, все больше между собою. Из евреев только одна девочка Эстерка ходила с нами на танцы. И с хлопцами дружил один еврей. Он совсем даже на еврея не был похож. Звали его Ёсель. Если б война не началась, он, может, и женился б на белоруске какой»⁹⁰.

«Были случаи, на жидовках женились, но это было опасно, могли убить»⁹¹.

«Замуж за жида никто из деревенских девчат не шёл, так как не возьмет»⁹².

«Таких браков в нашей деревне не было. Да это и запрещалось, тем более, что считалось непристойным выходить замуж за жида»⁹³.

«Ни белоруска, ни поляка никогда не вышла б замуж за еврея — это был большой позор»⁹⁴.

Вероятно, одним из древнейших способов провести границу между «своими» и «чужими» было представление об особом запахе, присущем «чужим». В этом смысле белорусы не оригинальны и повторяют стереотипы, зафиксированные этнологами и в других регионах⁹⁵.

«Грязные были, воняло от евреев. Говорили: “Жидом пахнет”»⁹⁶.

«Люди всегда говорили, что они воняют»⁹⁷.

Нарративы о евреях содержат отзвуки «кровавых наветов». Конфессиональный антагонизм между христианской и иудейской культурами обуславливал сохранение суеверий, своими корнями уходящих в средневековые традиции, об использовании евреями христианской крови для ритуальных действий.

«Я, когда был малым, жидов боялся, так как говорили, что жида сажают православных людей в бочку, которая утыкана гвоздями, там качают и выжимают кровь на мацу»⁹⁸.

«Евреями пугали маленьких детей, что евреи их украдут, им нужна детская кровь. Её добавляют в мацу — это такие булочки из теста, наподобие церковных просфор»⁹⁹.

«На еврейскую Пасху дети всегда приносили в школу мацу, она была очень вкусная. Но родители всегда говорили нам, что для того, чтобы испечь её, евреи обязательно должны были намешать в тесто людской крови...»¹⁰⁰.

«Я даже ела еврейскую мацу (это на пасху пекли из муки наподобие макарон такое блюдо). Нас страшили старшие, что жида в эту мацу добавляют человеческую кровь. Но я не видела и не знаю: белые, обыкновенные макароны»¹⁰¹.

2. «Хороший» еврей. В этом образе аккумулированы позитивные качества. «Хорошие» евреи отзывчивы, готовы прийти на помощь своим соседям, доброжелательны и открыты. Положительно характеризуя евреев, многие отмечают их сплоченность. Эти черты вызывают уважение и оцениваются как образцовые, достойные того, чтобы перенимать их, учиться взаимовыручке. Респонденты с одобрением отмечают такие качества евреев, как стремление дать детям образование, приверженность трезвому образу жизни.

«Евреи были спокойнее и всегда поддерживали друг друга»¹⁰².

«Евреи всегда были дружны между собой, поддерживали и помогали друг другу»¹⁰³.

Шаббат в Пинске (Das 41. Reserve-Korps von der Somme zum Pripjat. Mit 438 Bildern. München, 1918. S. 136).

Внутренний вид синагоги в м. Кожан-Городок, Лунинецкий повет. Фотография С. Бохнига. 1929 г.

«Все евреи держали магазины. Евреям, приехавшим в Деречин, они все вместе помогали открыть своё дело»¹⁰⁴.

«Все богатые евреи по наставлению раввина должны давать в синагогу, раввину, злотый на нищих каждую неделю. А он раздавал их неимущим»¹⁰⁵.

«Необходимо отметить, что межнациональная сплоченность в самой еврейской касте настолько сильна, что всем остальным национальностям следует поучиться и позавидовать. Евреи держатся вместе, помогают друг другу и доносов не делают. Интересно отметить, что еврейская невеста, не имеющая надлежащей денежной суммы, т. е. бедная невеста, получала от всего еврейского кагала приличные деньги и таким образом она имела необходимый материальный достаток, что позволяло ей спокойно выходить замуж. Сплоченность евреев позволила им выжить в любых государствах»¹⁰⁶.

«Да и ума у них больше было. Деток своих они всегда отдавали на учебу, а у нас до войны мало кто в школу ходил»¹⁰⁷.

«Евреи в Орли были очень интеллигентные и культурные люди. Я при них жила двадцать пять лет, но никогда не видела пьяного еврея»¹⁰⁸.

Жители западных областей Белоруссии как на индивидуальном, так и на коллективном уровне одновременно участвуют в создании «демонического» и идеализированного еврейского образа. В воспоминаниях евреев предстает одновременно в нескольких ипостасях: как «плохой» и «хороший», мошенник и помощник, опасный и безобидный сосед. Пожилые люди, которые сталкивались с евреями эпизодически, более склонны к демонизации евреев, чем люди, прожившие бок о бок с евреями много лет.

Западнобелорусское общество 1920–1930-х гг. было этнически структурировано, с четко проходящими границами между различными этнокультурными группами. Часть респондентов, характеризуя евреев, сравнивает их с другой компактной этнической группой, существовавшей обособленно от белорусов — поляками. В таких случаях проявляются определенные тенденции. Несмотря на, казалось бы, очевидную близость между белорусами и поляками (конфессиональную, хотя белорусы — православные, а поляки — католики; культурно-языковую — единое славянское происхождение), различие в социальном статусе поляков и белорусов в польском государстве

создавало напряженность в межнациональных отношениях. Многие жители Западной Белоруссии характеризует поляков как заносчивых, высокомерных, настроенных по отношению к другим этническим группам враждебно:

«Для панов мы были люди второго сорта, они считали нас глупыми, поэтому общались с нами мало. Особенно предвзято относились к нам паничи. Они были всегда высокомерны и одним своим видом показывали своё превосходство над нами»¹⁰⁹.

«Поляки были в принципе такие же люди, как и мы, только относились к нам с большим высокомерием. Поляки считали себя “завоевателями”, а белорусов, естественно, покорёнными. Поведение тогдашнего поляка можно сравнить с нынешними “новыми русскими”, т. е. они — самые лучшие, у них есть всё и им всё можно, а с простыми людьми можно не считаться, называли нас “быдлом”»¹¹⁰.

«Поляки были очень гордые, ставили себя выше остальных»¹¹¹.

«Для поляков характерны такие черты, как высокомерие, пренебрежение к белорусскому населению, гордость. Называли белорусов “хамами”, в редких случаях, когда угодишь поляку, то “пане господажу”. К евреям поляки тоже относились недружелюбно. Постоянно слышалось: “Жыдзе проклятый” и “Польска для поляков”»¹¹².

Для многих респондентов очевидна конфронтация между поляками и евреями:

«Мать рассказывала: польская армия остановилась в нашем селе. К нам в хату пришли солдаты. И был среди них хлопец-жид. Дало им начальство кофе. И солдаты специально разлили ему тот кофе. Мать моя им и говорит: “Хлопцы, что вы делаете?” — А они говорят: “А он, мать, жидик!”»¹¹³.

«Однажды осенью я, мои братья Павел, Василий, Владимир, два мальчика-поляка (Марек и имя второго не припомню), брат и сестра евреи Геля и Ева пошли в молодой лесок поиграть. У мальчишек оказались спички, и мы стали жечь сухую траву. Игра окончилась благополучно, но когда мы вернулись в деревню, нас встретила мать Марека и его брата и сказала, что с Гелем и Евой нам играть нельзя, что они нас хорошему не научат. Мы не очень расстроились, у нас и так была большая компания»¹¹⁴.

«Поляки презирали евреев, на магазинах висели различные плакаты и объявления, чтобы население не посещало их магазины и лавки. На плакатах было написано “Свой к своему”»¹¹⁵.

На фоне поляков, которые в иерархии польского общества занимали самое привилегированное положение, евреи в глазах белорусов были ближе, поскольку были такими же принижеными и бесправными. Несмотря на различия — в занятиях, уровне достатка, традиций и культуры — белорусов и евреев роднило то, что они ощущали свою правовую несостоятельность. Поляки были над всеми остальными (обидчики; люди, обладавшие властью и контролирующими функциями), а евреи были рядом, ровней. Это не могло не вызывать симпатию.

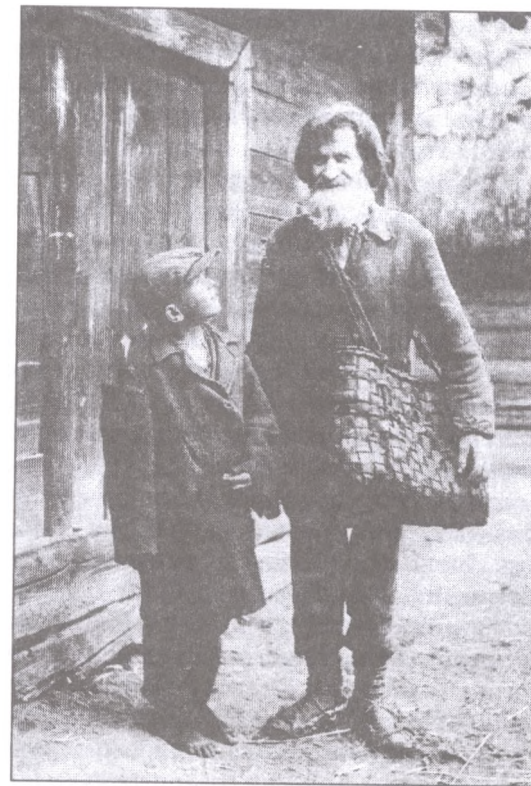
«Батька говорил, что жида лучше поляков»¹¹⁶.

«Я считаю, что евреи были лучшими, чем поляки. Всегда помогали, могли дать взаймы»¹¹⁷.

«Белорусы были загнаны, как мыши в норы... Кацапами нас называли. Поляки гнать коров не пускали около своих домов. А до рога была, нужно было гнать в Чёртово, все называли так болото. И не давали, останавливали, выходили и хоть куда хочешь, хоть на самолет коров сажай. Они с белорусами никаких дел не имели. Они если бы могли, то придушили этих белорусов. Купили землю и сидели на своей земле. Зачем им кто. А Юдель — он лавку держал — был добрый с людьми, с белорусами. Приветливые были жида, не то, что эти мазуры задристаные. А жид хороший был. Бывало, как зайдешь, спрашивает: “А что будете брать?”», а что — то, а что — то. И помогали тем, у кого ничего не было»¹¹⁸.

Именно потому, что евреи не относились к власти имущим, они выступали как объекты для подшучивания, высмеивания, а порой и оскорбления. «Субординация» не позволяла белорусам действовать так же с поляками. Отношения с ними были более формализованными, чем с евреями. Для поляков белорусы оставались «хамами» и «быдлом», а евреи были дружелюбны, приветливы и заинтересованы в поддержании добрососедства.

Анализ собранных материалов устной истории представляет определенную систему этнического взаимодействия, сложившегося на территории западных областей Белоруссии накануне Второй мировой войны. Отношения между евреями и белорусами регулировались на основании своего рода кодекса — неписаных правил, которые формировались на протяжении веков. Этническая солидарность между евреями и белорусами возникала прежде всего в хозяйственной сфере,

Полешуки. Фотография Ю. Шиманчика, 1937 г.

где эти группы выступали как взаимодополняющие друг друга элементы. Инициативы в установлении рыночных отношений и активизации деловых контактов исходили во многом именно от евреев. Отсюда признание со стороны белорусов способностей евреев вести выгодную торговлю, предлагать разнообразные, пользующие спросом товары и услуги. В ряде случаев предприимчивость евреев раздражала и воспринималась как некий «еврейский заговор», договоренность не пускать в наиболее выгодные сферы деятельности белорусов («Евреев мы не любили, так как они были конкурентами в промыслах и торговле»¹¹⁹). Неписанные правила невмешательства в сугубо «внутриэтнические» дела иной раз нарушались детьми и подростками, у которых повышенный интерес вызывали особен-

ности чужой культуры («На Судный день все евреи шли молиться в синагогу. Там горели толстые полуметровые свечи. Наши молодые жулики часто пускали в молельню ворону или голубя. Испуганная птица летала по святыне и тушила свечки, а евреи громко голосили»¹²⁰).

Воспоминания помогают определить основные принципы, которых придерживалось еврейское население, существуя в иноэтнической среде:

1. Адаптация. Евреи обладали высокой степенью коммуникативности, были ориентированы на то, чтобы подстраиваться под существующие условия и по возможности изменять их для улучшения качества жизни. Евреи были способны мимикрировать в любом окружении. Адаптация выражалась в том, что они хорошо знали местные языки и диалекты («В Орли жило много жидов. Говорили они по-нашему»¹²¹), местные традиции и обычаи, психологию окружающих. Евреи достаточно гибко реагировали на изменение политической и рыночной конъюнктуры, приспосабливались к требованиям принимающего общества и немалых успехов достигли в том, чтобы обеспечивать собственные интересы и даже войти в элиту¹²².

2. Обеспечение безопасности. Поведение евреев в повседневной жизни было продиктовано необходимостью создания таких внешних связей в принимающем обществе, которые могли служить гарантией безопасности жизни и имущества еврейского меньшинства. Горький опыт пережитых погромов и грабежей способствовал тому, что вырабатывалась определенная манера общения с представителями других этнических групп. Соображения безопасности, т. е. поддержание нормальных отношений с окружением, были превыше материальной выгоды. Споры и дрязги, возникающие на бытовом уровне, решались мирным путём, часто без обращения в официальные инстанции. Пожалуй, умение евреев разрешать проблемы без конфликтов и порождали легенды об их хитрости и уме.

3. Сохранение идентичности. Проницаемость еврейской общины была ограниченной. Контакты с принимающим обществом устанавливались только в определенных сферах и не касались религии, традиций и культуры.

Взаимоотношения евреев и белорусов можно определить как этнический компромисс. Интеграция евреев в принимающем обществе была глубокой только в хозяйственной сфере. Это был не совсем надежный путь укрепления фундамента

межэтнических отношений. Да, во многих воспоминаниях жителей западных областей Белоруссии содержатся утверждения о полезности евреев, их активном участии в жизни местного сообщества, одобрительные отзывы о деятельности евреев. В условиях господства в белорусской деревне того периода практически натурального хозяйства с помощью евреев можно было решить проблему приобретения промышленных товаров первой необходимости; выручить за реализацию продуктов сельского хозяйства деньги, сэкономив на поездке в город; приобрести товар в кредит или одолжить определенную сумму на самых льготных условиях. Но в некоторых сообщениях респондентов явственно чувствуется, что для поддержания хороших отношений с евреями необходимо было сделать над собой моральное усилие, т. е. такие контакты были достаточно искусственными («К евреям надо было хорошо относиться, чтобы кредит получить, так как жида имели капитал»¹²³). Евреи обладали определенным экономическим ресурсом и умело распоряжались им, но модель взаимоотношений с другими этническими группами в силу этого имела дефекты, придавала хрупкость всей конструкции. Как только кардинально изменились исторические условия, выяснилось, что ни евреи, ни титульная группа не были готовы к преобразованиям и быстрой перестройке отношений. В ходе советизации западных областей Белоруссии в 1939–1941 гг. выяснилось, что враждебность и взаимные претензии, которые гасились в предыдущий период, только и ждут подходящего случая, чтобы выплеснуться наружу¹²⁴.

На наш взгляд, симптоматичны и о многом говорят те объяснения Холокоста, которые бытуют среди жителей Белоруссии, переживших годы оккупации. Часть старожилов до сих пор убеждена, что нацисты проводили тотальное уничтожение еврейского населения, поскольку евреи были хитрыми (как вариант — умными). Безусловно, здесь имеет место приписывание оккупационным властям собственных представлений и стереотипов. Нацистская пропаганда не опускалась до столь примитивного толкования своих антиеврейских мероприятий. В данном случае мы сталкиваемся с нерелевантными сообщениями, в которых произошла подмена понятий: собственная оценка еврейской группы респондентом заявляется как позиция оккупационных властей, карающих хитрецов и обманщиков-евреев:

«У нас говорили, что евреи очень хитрые, вот их немцы и не любили»¹²⁵.

«Немцы не любили евреев потому, что они были хитрые, сами руки не любили марать, не работали на тяжелых работах»¹²⁶.

«Немцы не любили евреев, так как они богатыми были. Их никто не любил: ни немцы, ни Советы»¹²⁷.

«Я считаю, что евреи были умнее, чем немцы, поэтому их убивали»¹²⁸.

«Я не знаю, чем евреи не понравились немцам. Да, они обманывали, но это у них такой характер. Ничего не поделаешь. Они одевались как и мы. Только пошустрее нас они были. Ничего у них не пропадало, знали куда, когда, что и как сбыть»¹²⁹.

Называются и другие причины Холокоста. Устойчивыми являются представления о евреях как о проклятом народе, на котором лежит ответственность за убийство Христа и который должен понести наказание. События Второй мировой войны в мифологизированном сознании христианского населения послужили своего рода «доказательством» «Божьей кары», высшей мести за мучения и смерть Христа. Определенная группа респондентов уверенно говорит о том, что Холокост — это исполнение божественного наказания евреев за грех соучастия в распятии Христа. Более того, в нарративах подчеркивается, что евреи перед акциями уничтожения полностью признали вину и покорились своей участи. Таким образом, политика геноцида вызвала незапланированный оккупационными властями эффект: вопреки нацистской пропаганде, объяснявшей тотальное уничтожение евреев необходимостью освобождения народов Европы от засилья жидо-большевизма, в массовом сознании сложилось сакральное истолкование трагедии евреев, в котором триумфально провозглашается идея возмездия и победы христианской религии над иудаизмом.

«Старые евреи никуда не уезжали, ждали, когда за ними придут. Они говорили, что так им положено, т. е. умереть, ибо они грешны, так как распяли Христа»¹³⁰.

«Были слухи, что раввин собрал евреев и сказал: “Мы согрешили, не сопротивляйтесь, наше время пришло, мы должны уйти”»¹³¹.

«Евреи добровольно шли на смерть. Когда их раввин сказал, что они должны умереть в наказание за смерть Христа, они сами выкопали себе яму. Там их и расстреляли»¹³².

В целом, изучение материалов устной истории позволяет сделать вывод о высокой степени этнотолерантности в западнобелорусском обществе 1920—1930-х гг. Белорусы достаточно адекватно воспринимали еврейскую диаспору, хотя психокультурная этническая дистанция в тот период практически не сокращалась. Поэтому совершенно обычной формулой, которой жители западных областей Белоруссии до сих пор определяют отношение к евреям в тот период, является: «Жидов не любили, но относились к ним нормально»¹³³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005. С. 12.
- ² Игнатик Янина Владимировна, 1929 г. р., д. Литаворцы Дятловского района Гродненской обл. Запись 2006 г.
- ³ Загонская Надежда Никитична, 1927 г. р., д. Суховичи Кобринского района Брестской обл. Запись 1998 г.
- ⁴ Кротович Александр Иванович, 1928 г. р., д. Хабы Брестского района Брестской обл. Запись 2003 г.
- ⁵ Романович Ольга Григорьевна, 1929 г. р., д. Мотоль Ивановского района Брестской обл. Запись 2005 г.
- ⁶ Кулик Валентина Ивановна, 1932 г. р., м. Раков Воложинского района Минской обл. Запись 2001 г.
- ⁷ Данилюк Ольга, Хомицкая Евгения (сестры). Орля // У новай айчыне: Штодзённае жыццё беларусаў Беластоцчыны ў міжваенны перыяд. Беласток, 2001. С. 46.
- ⁸ Плешевич Мария Казимировна, 1919 г. р., д. Мазурки Ляховичского района Брестской обл. Запись 2005 г.
- ⁹ Сурма Ефросинья Николаевна, 1922 г. р., д. Колдычево Барановичского района Брестской области. Запись 2006 г.
- ¹⁰ Бондарь Анна Зиновьевна, 1922 г. р. д. Тышковичи Ивановского района Брестской обл. Запись 2005 г.
- ¹¹ Несельская Зинаида, м. Орля // У новай айчыне: Штодзённае жыццё... С. 207.
- ¹² Крачак Евгения Дмитриевна, 1928 г. р., д. Городище Каменецкого района Брестской обл. Запись 2001 г.
- ¹³ Швед Виктор, 1925 г. р., д. Мора // У новай айчыне: Штодзённае жыццё... С. 245—246.
- ¹⁴ Савоневская М. Д., 1925 г. р., д. Подлесье Жабинковского района Брестской обл. Запись 2000 г.
- ¹⁵ Мартысюк Федора Павловна, 1913 г. р., д. Буйки Брестского района Брестской обл. Запись 2005 г.
- ¹⁶ Забелик Надежда Петровна, 1920 г. р., д. Шпановичи (современная часть г. Бреста). Запись 2000 г.
- ¹⁷ Чуть Мария Трофимовна, 1920 г. р., д. Ланская Малоритского района Брестской обл. Запись 2001 г.

- ¹⁸ Николаюк Ниталья Никитична, 1934 г. р., д. Кобелка Брестского района Брестской обл. Запись 2002 г.
- ¹⁹ Ильченко Анна Фадеевна, 1927 г. р., д. Клеши Кобринского района Брестской обл. Запись 1998 г.
- ²⁰ Васильчук Леокадия Михайловна, 1918 г. р., г. Волковыск Гродненской обл. Запись 2003 г.
- ²¹ Пакисмук Николай Романович, 1928 г. р., д. Придуки Брестского района Брестской обл. Запись 2003 г.
- ²² Хилимонюк Владимир, д. Тофилавцы // У новой айчыне: Штодзённае жыццё... С. 220.
- ²³ Пакисмук Николай Романович...
- ²⁴ Пивоварчик С. Этноконфессиональные стереотипы в поликультурном регионе (по материалам историко-этнологического изучения местечек Белорусского Понеманья) // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга. М., 2003. С. 374.
- ²⁵ Васильчук Леокадия Михайловна...
- ²⁶ Жилинская (Гаврильчик) Степанида Павловна, 1930 г. р., д. Кулики Ляховичского р-на Брестской области. Запись 2006 г.
- ²⁷ Кравчук Михаил Васильевич, 1916 г. р., д. Панасовичи Березовского района Брестской обл. Запись 2001 г.
- ²⁸ Бусень Валентина Антоновна, д. Староволя Пружанского района Брестской обл. Запись 2001 г.
- ²⁹ Дзида Дмитрий, д. Тофилоты // У новой айчыне: Штодзённае жыццё... С. 193.
- ³⁰ Янчук Константин, Карытински // Там же. С. 223–224.
- ³¹ Романович Ольга Григорьевна...
- ³² Хоха Нина Владимировна, 1920 г. р., д. Соболяны Гродненской обл. Запись 2002 г.
- ³³ Косик Владимир Ильич, 1925 г. р., г. Воложин Минской обл. Запись 2005 г.
- ³⁴ Гурин Роман Петрович, 1914 г. р., д. Антоново Малоритского района Брестской обл. Запись 2005 г.
- ³⁵ Левонюк Мария Ульяновна, 1923 г. р., д. Стрии Кобринского района Брестской обл. Запись 2001 г.
- ³⁶ Сидляревич Иосиф, д. Острино Щучинского района Гродненской обл. // Пивоварчик С. Этноконфессиональные стереотипы в поликультурном регионе... С. 372.
- ³⁷ Плешевич Мария Казимировна...
- ³⁸ Игнатик Янина Владимировна...
- ³⁹ Хилимонюк Владимир, д. Тофилавцы // У новой айчыне: Штодзённае жыццё... С. 220.
- ⁴⁰ Болтрик Петр, д. Смоляница Свислочьского района // Пивоварчик С. Этноконфессиональные стереотипы в поликультурном регионе... С. 373.
- ⁴¹ Левонюк Мария Ульяновна...
- ⁴² Пакисмук Николай Романович...
- ⁴³ Богдан Алексей Емельянович, 1929 г. р., д. Котельня Боярская Брестского района Брестской обл. Запись 2001 г.
- ⁴⁴ Косик Владимир Ильич...
- ⁴⁵ Мартысюк Федора Павловна...
- ⁴⁶ Пакисмук Николай Романович...
- ⁴⁷ Кравчук Михаил Васильевич...
- ⁴⁸ Янчук Константин, Карытински // У новой айчыне: Штодзённае жыццё... С. 223–224.

- ⁴⁹ Чернецкий Николай, Наревка // Там же. С. 221.
- ⁵⁰ Карпач Владимир Васильевич, 1927 г. р., д. Каленики Берестовицкого района Гродненской обл. Запись 2006 г.
- ⁵¹ Ставбункик Нина Викентьевна, 1926 г. р., д. Теглевичи Зельвенского района Гродненской обл. Запись 2006 г.
- ⁵² Гарколюк Анна Никитична, 1927 г. р., д. Минковичи Каменецкого района Брестской обл. Запись 2005 г.
- ⁵³ Котловская Евгения Сергеевна, 1917 г. р., д. Шени Пружанского района Брестской обл. Запись 2005 г.
- ⁵⁴ Гарбар Елена Ивановна, 1926 г. р., д. Бережное Столинского района Брестской обл. Запись 2006 г.
- ⁵⁵ Корольчук Григорий Данилович, 1925 г. р., д. Черняны Малоритского района Брестской обл. Запись 2004 г.
- ⁵⁶ Бобрук Николай Сергеевич, 1923 г. р., д. Шубичи Пружанского района Брестской обл. Запись 2005 г.
- ⁵⁷ Плешевич Мария Казимировна...
- ⁵⁸ Курак Василий Иосифович, 1915 г. р., д. Нача Ляховичского района Брестской обл. Запись 2003 г.
- ⁵⁹ Белевец Роман, д. Войнавка // У новой айчыне: Штодзённае жыццё... С. 190.
- ⁶⁰ Перавой Юлия, д. Наройки // Там же. С. 210.
- ⁶¹ Андросюк Лариса Ивановна, 1929 г. р., г. Брест. Запись 2004 г.
- ⁶² Сурма Ефросинья Николаевна...
- ⁶³ Гиско Валентина Николаевна, 1931 г. р., д. Скобичи Брестского района Брестской обл. Запись 2004 г.
- ⁶⁴ Недельская Зинаида, м. Орли // У новой айчыне: Штодзённае жыццё... С. 205.
- ⁶⁵ Курак Василий Иосифович...
- ⁶⁶ Григоруку Якуб, Дубичи-Церковные // У новой айчыне: Штодзённае жыццё... С. 191–192.
- ⁶⁷ Хоха Нина Владимировна...
- ⁶⁸ Данилюк Ольга и Хомичка Евгения (сестры), Орля // У новой айчыне: Штодзённае жыццё... С. 46.
- ⁶⁹ Бондарь Анна Зиновьевна...
- ⁷⁰ Минцевич Нина, Орля // У новой айчыне: Штодзённае жыццё... С. 73.
- ⁷¹ Григоруку Анастасия, Дубичи-Церковные // Там же. С. 191.
- ⁷² Левонюк Мария Ульяновна...
- ⁷³ Калейник Евгения, Острова // У новой айчыне: Штодзённае жыццё... С. 56.
- ⁷⁴ Ляшук Мария Ивановна, 1926 г. р., д. Навицковичи Каменецкого района Брестской обл. Запись 2003 г.
- ⁷⁵ Гриневич Варвара Павловна, 1926 г. р., д. Цна Лунинецкого района Брестской обл. Запись 2004 г.
- ⁷⁶ Гарбар Елена Ивановна...
- ⁷⁷ Хоха Нина Владимировна...
- ⁷⁸ Левонюк Мария Ульяновна...
- ⁷⁹ Лукьянчук Петр Лаврентьевич, 1927 г. р., д. Охово Пинского района Брестской обл. Запись 2005 г.
- ⁸⁰ Недельская Зинаида, Орля // У новой айчыне: Штодзённае жыццё... С. 83.
- ⁸¹ Наскович Григорий, Клеши // Там же. С. 205.
- ⁸² Калейник Евгения, Острова // Там же. С. 54–55.
- ⁸³ Минцевич Нина, Орля // Там же. С. 72.
- ⁸⁴ Романович Ольга Григорьевна...

- ⁸⁵ Григорук Якуб, Дубичи-Церковные // У новой айчыне: Штодзённае жыццё... С. 192.
- ⁸⁶ Кетько Нина Яковлевна, 1933 г., м. Давид-Городок Столинского района Брестской обл. Запись 2005 г.
- ⁸⁷ Пипко Степан Федорович, 1927 г. р., д. Дрочево Малоритского района Брестской обл. Запись 2005 г.
- ⁸⁸ Пивоварук Иосиф Лукич, 1923 г. р., д. Сухаревичи Брестского района Брестской обл. Запись 2006 г.
- ⁸⁹ Бурак Степанида Никифоровна, 1928 г. р., д. Дубок Брестского района Брестской обл. Запись 2002 г.
- ⁹⁰ Семенюк Ольга Федоровна, 1927 г. р., д. Тевли Кобринского района Брестской обл. Запись 2004 г.
- ⁹¹ Григорук Якуб, д. Дубичи-Церковные // У новой айчыне: Штодзённае жыццё... С. 192.
- ⁹² Чиквин Павел, д. Дубичи-Церковные // Там же. С. 238.
- ⁹³ Бондарь Анна Зиновьевна...
- ⁹⁴ Иванюк Мария Васильевна, 1926 г. р., д. Бобровцы Брестского района Брестской обл. Запись 2003 г.
- ⁹⁵ Белова О., Петрухин В. Славяне и евреи: практика и мифология соседства (по материалам полевых исследований в регионах межкультурных контактов) // Диаспоры. М., 2005. № 1. С. 158–160.
- ⁹⁶ Савоневская М. Д....
- ⁹⁷ Левонюк Мария Ульяновна...
- ⁹⁸ Григорук Якуб, д. Дубичи-Церковные // У новой айчыне: Штодзённае жыццё... С. 192.
- ⁹⁹ Бурак Степанида Никифоровна...
- ¹⁰⁰ Левонюк Мария Ульяновна...
- ¹⁰¹ Хоха Нина Владимировна...
- ¹⁰² Котловская Евгения Сергеевна...
- ¹⁰³ Андросюк Лариса Ивановна...
- ¹⁰⁴ Гениуш Мария Вацлавна, 1923 г. р., д. Валькевичи Зельвенского района Гродненской обл. Запись 2005 г.
- ¹⁰⁵ Пакисмук Николай Романович...
- ¹⁰⁶ Парфенюк Евгений Степанович, 1921 г. р., г. Брест. Запись 2003 г.
- ¹⁰⁷ Янчук Константин, Карытински // У новой айчыне: Штодзённае жыццё... С. 223–224.
- ¹⁰⁸ Недельская Зинаида, м. Орли // Там же. С. 207.
- ¹⁰⁹ Ильченко Анна Фадеевна...
- ¹¹⁰ Крачак Евгения Дмитриевна...
- ¹¹¹ Сурма Ефросинья Николаевна...
- ¹¹² Пакисмук Николай Романович...
- ¹¹³ Михалькевич Ольга Николаевна, 1930 г. р., д. Харьки Пружанского района Брестской обл. Запись 2003 г.
- ¹¹⁴ Ляшук Мария Ивановна...
- ¹¹⁵ Андросюк Лариса Ивановна...
- ¹¹⁶ Панфилюк Николай, Дубичи-Церковные // У новой айчыне: Штодзённае жыццё... С. 209.
- ¹¹⁷ Пакисмук Николай Романович...
- ¹¹⁸ Ставбуник Нина Викентьевна...
- ¹¹⁹ Стаценя Андрей Павлович, 1911 г. р., д. Вскоды Дрогичинского района Брестской обл. Запись 2001 г.

- ¹²⁰ Недельская Зинаида, м. Орли // У новой айчыне: Штодзённае жыццё... С. 208.
- ¹²¹ Григорук Якуб, д. Дубичи-Церковные // Там же. С. 191–192.
- ¹²² См., напр.: Мемуары Якова Элиасберга // Диаспоры. 2005. № 4.
- ¹²³ Свицкий Евгений, Ячна // У новой айчыне: Штодзённае жыццё... С. 214.
- ¹²⁴ См. напр.: Розенблат Е., Еленская И. Пинские евреи. 1939–1944 гг. Брест, 1997; Розенблат Е., Струнец С. Поляки и евреи в Западной Белоруссии: динамика сближений и конфликтов (1939–1941 гг.) // Диаспоры. 2003. № 1.
- ¹²⁵ Карпач Владимир Васильевич....
- ¹²⁶ Кетько Нина Яковлевна...
- ¹²⁷ Плешевич Мария Казимировна...
- ¹²⁸ Ильченко Анна Фадеевна....
- ¹²⁹ Гриневич Варвара Павловна...
- ¹³⁰ Кетько Нина Яковлевна...
- ¹³¹ Наумчик Давид Каленикович, 1925 г. р., д. Великий Лес Дрогичинского района Брестской обл. Запись 1999 г.
- ¹³² Корда Бернарда Константиновна, 1931 г. р., д. Мокрая Дубрава Пинского района Брестской обл. Запись 2001 г.
- ¹³³ Дзида Дмитрий, д. Тофиловцы // У новой айчыне: Штодзённае жыццё... С. 193.